

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «ИРАН И АНТИЧНЫЙ МИР:
ПОЛИТИЧЕСКОЕ, КУЛЬТУРНОЕ И ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ
ДВУХ ЦИВИЛИЗАЦИЙ»
(Казань, 14–16 сентября 2011 г.)

14–16 сентября 2011 г. в Казанском (Приволжском) федеральном университете (КФУ) состоялась Международная научная конференция «Иран и античный мир: политическое, культурное и экономическое взаимодействие двух цивилизаций». Она была организована Институтом истории (ранее – исторический факультет) КФУ и приурочена к 45-й годовщине научного кружка-семинара «Античный понедельник», созданного на кафедре всеобщей истории Казанского государственного университета профессором Аркадием Семеновичем Шофманом (1913–1993). И он сам, и его ученики, особенно профессор Владимир Данилович Жигунин (1943–2001), внесли весомый вклад в изучение таких аспектов истории древности, которые тесно связаны с контактами между иранским и античным мирами, прежде всего – политики Александра Македонского и диадохов, различных вопросов истории эллинизма. Между тем проблемы римско-парфянских и римско-сасанидских отношений не получили столь же детального рассмотрения у казанских антиковедов, и это обстоятельство, по замыслу организаторов, следовало компенсировать привлечением к участию в конференции отечественных и зарубежных специалистов в соответствующих областях. С другой стороны, КФУ традиционно является крупным центром востоковедческих исследований, так что данный форум стал мероприятием, направленным на сохранение и дальнейшее развитие существующих в России традиций антиковедения и иранистики.

Таким образом, в соответствии с планами организаторов, в конференции приняли участие историки, археологи, филологи из 10 научных учреждений и университетов России, а также научных центров Австрии, Великобритании, Германии, Ирана, Польши, Украины, Франции. Состав участников был весьма разнообразным – от маститых ученых до аспирантов и студентов старших курсов. Рабочими языками конференции были объявлены русский и английский. Было прочитано 35 докладов.

Открытие конференции состоялось в Актовом зале музея истории Казанского университета. Участников приветствовали проректор по научной работе КФУ *Д.К. Нургалиев*, первый заместитель директора Института истории КФУ *В.А. Летяев* и заведующий кафедрой истории древнего мира и средних веков, руководитель кружка «Античный понедельник» *Е.А. Чиглицев*. На пленарном заседании было представлено три доклада.

П. Бриан (Коллеж-де-Франс, Париж) в докладе «От Дария к Александру: некоторые размышления о преемственности и изменении» уделил особое внимание пассажирам античных авторов Арриана и Страбона (подтвержденным отчасти сообщениями географов и путешественников Нового времени) о разрушении македонским царем так называемых «катаррактов» – искусственных порогов, воздвигнутых на Тигре персами с целью воспрепятствовать флоту какого-либо внешнего врага проникнуть в глубь их державы, и дал оценку этого мероприятия в контексте создания Александром новой империи. *А.И. Иванчик* (Институт всеобщей истории РАН, Москва – Центр национальных научных исследований, Бордо) в докладе «Келены – Апамея Фригийская: город и царская резиденция в персидскую и эллинистическую эпохи» познакомил слушателей с наиболее интересными результатами изысканий международного проекта исследований в Южной Фригии (2008–2011), проводившихся в древних Келенах – Апамее Киботос (совр. Динар, пров. Афион, Турция). В ходе раскопок этого важного городского центра удалось установить место расположения акрополя Келен и эллинистической Апамеи, дворцов Ксеркса и Кира Младшего, агоры ахеменидской, эллинистической и римской эпох. Обнаруженные керамика, монеты, наконечники стрел, а также ок. 100 надписей (более 70 из которых пока не опубликовано) содержат много ценной информации о различных периодах истории Апамеи.

Й. Визехёфер (Университет Килья, Германия) в докладе «Иран, Туран и Рум» рассмотрел основные этапы создания «иранской национальной истории», связав его с написанием в конце правления Хосрова II (590–628) «Книги правителей», призванной отразить моральные и политически обоснованные социальные идеалы или достоинства подданных, в которых сасанидские цари видели основу своей власти и с помощью которых они должны были сохранять ее. Впоследствии сасанидские цари в сотрудничестве с зороастрийским жречеством придали концепции «национальной истории» отчетливый антипарфянский уклон, а также создали образы традиционных врагов Ирана – Рума на Западе (вначале Рима вообще, а затем Византии) и Турана на Востоке (тюрков и эфталитов), причем роль последнего, в связи с реалиями международной обстановки, выдвигалась на первый план.

Секционные заседания начали работу 14 сентября в помещениях Музея-заповедника «Казанский кремль» – в лекционном зале Музея естественной истории Татарстана и в лекционном зале Центра «Эрмитаж–Казань».

На секции «Иран и Греция: война, дипломатия, культурные контакты» в этот день было заслушано шесть докладов. *Р. Роллингер* (Леопольд-Францес Университет, Иннсбрук, Австрия) в докладе «Греки в Ахеменидской перспективе: каким образом Восток представлял Запад» представил максимально полную на сегодняшний день подборку данных из монументальных надписей Ахеменидов, архивных текстов Персеполя и Вавилонии и, наконец, изображений народов в Персеполе и Накш-и Рустаме, которые могут пролить свет на проблему термина *Yauna* и связанных с ним понятий, проясняющих некоторые аспекты восприятия персами греков. В докладе *И.А. Ладынина* (МГУ им. М.В. Ломоносова) «Был ли Дарий I обожествлен в Египте? Комментарий к Diod. I. 95. 5» были обсуждены причины особо благосклонного отношения египтян к Дарию I, засвидетельствованного Диодором. Автор высказал и аргументировал предположение, согласно которому истоки этого топоса можно обнаружить в изображении и тексте стелы из Фаюма Berlin 7493. *Э.В. Рунг* (КФУ) в докладе «*Kápanos/káрана* в военно-административной системе Ахеменидской империи» проанализировал этимологию данного термина, указал на его связь с персидским *kāra* («народ-войско») и подчеркнул обстоятельство, что Ксенофонт, достаточно близко знакомый с персидскими реалиями, едва ли случайно трактует его как *στρατῆρὺς*: здесь речь может идти фактически о дословном переводе. В то же время, по мысли докладчика, термин «каран» мог и не иметь конкретно определенного значения, обозначая либо верховного главнокомандующего, либо любого военачальника, назначенного царем.

И.Е. Суриков (Институт всеобщей истории РАН, Москва) в докладе «Знаменитые афиняне VI–V вв. до н.э. на территории Ахеменидской державы» обратился к рассмотрению тех эпизодов политических биографий таких известных деятелей греческой истории, как Мильтиад Младший, Гиппий, Фемистокл, Каллий, Алкивиад, Конон, которые связывали их с Персидской империей. Отметив, что многим из этих выдающихся афинян вполне комфортно жилось под покровительством Ахеменидов, автор подчеркнул, что большинство из них стремилось вернуться на родину (хотя мало кому это в конечном итоге удалось). *Ю.О. Змитрякова* (КФУ) в докладе ««Героизация» персов в “Истории” Геродота» привела примеры того, как «отец истории» благосклонно – и нередко – отзывается о силе, храбрости, благородстве персов. Однако к такому приему он, как правило, прибегает лишь для того, чтобы еще более возвысить эллинов, победивших столь достойного врага. В целом же степень «интенсивности» героизации персов у Геродота далеко не столь значительна, как, например, в «Персах» Эсхила. Тема доклада *А.С. Сапогова* (Саратовский гос. университет) – «Кир Великий как царь: взгляд Геродота». Автор перечислил и систематизировал основные мотивы в трактовке греческим историком различных аспектов образа основателя Персидской державы – его определения как царя, Великого царя, предводителя и «отца» персов, его знатнейшего происхождения, а также божественного характера его власти и предопределенности его жизни Судьбе.

15 сентября работа секции была представлена пятью докладами. *А. Кивни* (Университет Кента в Кентербери, Великобритания) в докладе «Чужие как свои: евнухи при Ахеменидском дворе» указал на источники доставки евнухов для ахеменидского царского двора, отметив, что численность евнухов при дворе могла быть сравнительно небольшой. Автор отрицает, что евнухи специально приобретались для секса, придерживаясь существовавшего уже в древности мнения, что они могли стать верными и надежными слугами и достигать высоких придворных постов, хотя само явление евнухизма могло быть одним из путей, посредством которого поддерживалось персидское превосходство над подчиненными народами. Докладчик указал на возможность того, что евнухами при дворе могут быть названы две группы лиц: одна могла включать в себя *castrati* в полном смысле слова, другая – всех мужчин, применительно к которым термин «евнух» использовался как дворцовый титул. *М.Ю. Лантева* (Тобольская гос. социально-педагогическая академия) в докладе «“Когда нагрянул мидиец...”: Иония под властью Ахеменидов во второй половине VI – начале V в. до н.э.» обратилась к рассмотрению различных аспектов положения ионийских полисов в составе западных сатрапий Персидской империи. Основная мысль автора состояла в том, что персы отнюдь не насаждали в подчиненных им городах тиранической формы правления, но только поддерживали те политические режимы, которые оказывались для них наиболее удобными (не исключая в отдельные моменты и демократии).

«Ликия в составе Персидской державы VI–V вв. до н.э. (по данным античной традиции)» – тема выступления *А.Н. Горюжановой* (Нижегородский гос. университет). Автор осветила основные вехи истории этой южномалоазийской области под властью Ахеменидов, обозначила пути политического, административного и культурного влияния персов в Ликии, а также показала причины изменения ситуации в середине V в. до н.э., когда Южная Анатолия входит в сферу влияния Первого Афинского морского союза. *Н.Ю. Старкова* (Удмуртский гос. университет, Ижевск) в докладе «Внешняя

политика Агесилая в Малой Азии», обратившись к периоду наивысшего могущества Спарты после победы в Пелопоннесской войне и до начала Коринфской войны, попыталась проследить, каким образом политика Агесилая изменила Пелопоннесский союз и какую роль сыграли в этом его действия в Малой Азии. Автор подчеркнула, что после открытой конфронтации с Персией Агесилай захватил огромную добычу и укрепил свои позиции в Спарте, а Пелопоннесский союз в результате этого продолжил существование в неизменном (после Лисандра) виде. *С.Г. Карюк* (Институт всеобщей истории РАН, Москва) в докладе «“Качество продукции”: иранские предметы роскоши в восприятии греков» показал, что персидские предметы роскоши, судя по письменным и археологическим источникам, были хорошо знакомы в Греции начиная с периода Греко-персидских войн. Золотые и серебряные сосуды ахеменидского происхождения (широко представленные, например, во Фракии) повлияли на вид и форму греческих ваз середины V в. до н.э. Предметы богатой персидской одежды, а также зонтики от солнца, как правило, символизировали высокий общественный и имущественный статус обладавшего ими грека, однако ко времени похода Александра Македонского интерес к этим предметам роскоши у эллинов постепенно снижался.

Секция «Иранское наследие в эллинистическом мире» начала работу 14 сентября. *А.А. Немировский* (Институт всеобщей истории РАН, Москва) в докладе «Элиманда и ее соседи: вопросы исторической географии и этнотерриториальной преемственности в Юго-Западном Иране» на основании довольно противоречивых сообщений античных авторов, топонимии и этнонимии региона, связанных с элимеями и соседними с ними народами, предложил уточнение границ, в которых они расселялись. Автор, в частности, отождествил эти области с субрегионами исторического Элама: элимеев – с «Эламом» – в узком смысле слова – к северо-востоку от Сузианы, а укуиев – с потомками входивших в состав Элама племенами симашкийцев. *Ю.Н. Кузьмин* (Самара) в докладе «Аргеады, персы и имя *Amyntas* в Ликии» высказал гипотезу, согласно которой Аминта, сын Германия, чья богатая гробница находится в окрестностях ликийского города Тельмесса, мог быть отдаленным потомком брачного альянса, заключенного, согласно Геродоту, в конце VI – начале V в. до н.э. между македонской принцессой Гигеей и знатным персом Бубаром. Известно, что их сын Аминта владел каким-то городом в Малой Азии (V. 21; VIII. 136), так что появление этого македонского имени в Ликии вполне может быть датировано уже доэллинистическим временем.

Четыре доклада секции были посвящены политике и образу Александра Македонского. *М.Я. Ольбрыхт* (Университет Жешува, Польша) в докладе «Иранцы в армии Александра Великого» показал, что после 330 г. до н.э. иранцев, в основном высококлассную конницу, все более активно стали набирать в царские войска, параллельно с чем шел процесс утраты македонянами исключительно ведущего положения в них. Это влекло за собой как структурные, так и тактические преобразования в армии, что проявилось в ходе индийской кампании: иранские подразделения, не поставленные более перед необходимостью сражаться против своих соотечественников, показали себя с самой лучшей стороны. Анализ военных преобразований Александра в конце его жизни показывает, что опора на иранцев в ходе этих мероприятий выходила за рамки чисто военных реформ и должна расцениваться как составная часть более широкой политической программы.

В двух последующих выступлениях была рассмотрена весьма сходная проблематика, связанная с царским титулом Александра Македонского. *К. Навотка* (Университет Вроцлава, Польша) в докладе «Персия, Александр Великий и царство Азия» показал, что титул «царь Азии», принятый Александром после победы при Гавгамелах, не соотносился ни с одним из официальных ахеменидских титулов и отражал именно характерное для этого момента восприятие греками политического и военного разгрома Александром Дария III как персидского монарха. *Ю.В. Корнилов* (КФУ) в докладе «Царская титулатура Александра Великого и традиции Ахеменидов» предложил несколько иную трактовку титула «Царь Азии»: по его мнению, он был шире по своему географическому и смысловому значению, нежели «Царь Персии», и поэтому подразумевал программу будущих завоеваний. *М.Я. Фердоуси* (КФУ – Тегеран) в докладе «Проклятие или не-проклятие Александра в персидской поэзии» подробно рассмотрел причины возникновения и конкретные проявления двух противоположных трактовок – позитивной и негативной – образа Александра Великого в иранской религиозной, исторической, художественно-литературной и философской традиции на протяжении от поздней древности до Нового времени.

На следующий день секция продолжила свою работу. *О.Л. Габелко* (КФУ) в докладе «Сепаратизм как фактор политического развития ахеменидской и эллинистической Малой Азии» попытался выявить роль центробежных устремлений в Анатолии при персах, диадохах и ранних Селевкидах. По мнению докладчика, сепаратистские действия сатрапов, хотя они и создавали в IV в. до н.э. серьезные проблемы для персидских монархов, все же не были направлены на создание самостоятельных государств, а местные этнополитические объединения (Вифиния, Пафлагония, Каппадокия) на тот момент еще «не выросли» до построения собственной государственности. Ситуация изменилась к

концу III в. до н.э., когда необходимость жесткого отпора диадохам превратила прежние разрозненные сепаратистские выступления местной знати в хорошо скоординированную военную политику, имевшую порой (в Понте и Каппадокии) иранско-ахеменидскую идеологическую основу. Последующие проявления центробежных сил в малоазийских областях государства Селевкидов и в Вифинии имели своей основой внутридинастические противоречия, уже не связанные с иранскими государственными устоями.

Особой популярностью у участников конференции пользовалась «митридатовская» тематика. *Е.А. Молев* (Нижегородский гос. университет) в докладе «Понтийское царство как наследник Ахеменидов» выделил следующие основные, по его мнению, элементы политики и пропаганды, используемые Митридатидами (и прежде всего Митридатом VI Евпатором) для подчеркивания преемственности с Ахеменидами: 1) традиции завоевательной политики и строительство укреплений на подчиненных территориях; 2) использование Митридатом Евпатором ахеменидского титула «царь царей»; 3) монополия царя на чеканку золотых монет; 4) регулярное исполнение царями и их наместниками жреческих функций, особенно культа Митры. *А. Фулинська* (Институт археологии Ягеллонского университета, Краков, Польша) в докладе «Гелиос, Мен, Митра и цари» обратилась к подробному рассмотрению религиозно-идеологической деятельности понтийской династии. Основная часть доклада была посвящена иконографии правителей Понтийского царства и анализу такого ее аспекта, как эллинистический синкретизм в появлении греческих, иранских и фригийских элементов в образе солярных божеств. Этот процесс позволяет проследить, каким образом бог Мен, центральная фигура понтийских символических представлений, становится эллинским Аполлоном/Дионисом, обожествленными царями, и фактически иранским Митрой.

С.Ю. Сапрыкин (МГУ им. М.В. Ломоносова) выступил с докладом «Иранские традиции в культуре и искусстве Понтийского царства». К таковым автор причислил прежде всего ярко выраженные варварские иранские черты, специально выделенные монетными резчиками на портретах первых представителей династии; синкретические явления в религиозной жизни Понта (хотя и с преобладанием эллинских элементов); проявления «иранизма» в рельефах и наскальных изображениях, отчасти в стиле так называемых «анонимных монет» с портретами правителей в кирбасии (также со временем уступающие греческим мотивам). *К.Л. Гуленков* (Москва) в докладе «Иранская составляющая в пропаганде Митридата Евпатора» выделил в пропагандистской деятельности понтийского владыки три основных элемента и показал, что говорить о присутствии в них некоторых иранских начал можно лишь с большой долей условности: изначально являясь таковыми, с течением времени они приобретали уже «общеэллинистический» характер.

15 сентября вниманию участников конференции была представлена публичная лекция профессора *Пьера Бриана* «Александр и эллинистическая эпоха в трудах двух историков русского происхождения: Михаил Ростовцев и Элиас Бикерман». Лектор представил интересные и познавательные сведения о жизни и деятельности двух выдающихся историков русского происхождения – Михаила Ивановича Ростовцева и Элиаса (Ильи Иосифовича) Бикермана. П. Бриан постоянно подчеркивал пересечения в судьбах двух историков, которые своими научными трудами приобрели славу и всемирную известность. Это – их русское происхождение, учеба в Санкт-Петербургском университете, взаимоотношения учитель–ученик, вынужденная эмиграция после Октябрьской революции 1917 г., скитания по европейским странам (Великобритания, Франция, Германия), их научная и педагогическая деятельность в США и, наконец, их личное сотрудничество на протяжении всей жизни. На основании изложения и сопоставления биографий двух ученых П. Бриан отметил факты, которые свидетельствуют о том, что перипетии их жизненного пути оказали большое влияние на их профессиональную деятельность (в частности, знание ими нескольких языков, на которых они не только свободно говорили, но и писали свои научные труды). Автор лекции сосредоточил внимание слушателей на научной деятельности обоих исследователей, особенно в связи с наличием у них общих интересов. Оба историка были выдающимися специалистами в истории эллинистического мира, о чем свидетельствуют, прежде всего, их обретшие статус классических монографии: Э. Бикермана – «Государство Селевкидов» (1938 г. – на франц. яз.; русск. пер. – 1985 г.) и монументальный трехтомный труд М.И. Ростовцева «Социально-экономическая история эллинистического мира» (Оксфорд, 1941).

В завершающий день конференции провела свою работу секция «Иран и Рим: конфронтации и взаимодействия». *А.В. Махлаюк* (Нижегородский гос. университет) в докладе «Персы и Ахемениды в римской литературной традиции» проанализировал многочисленные упоминания о Персидской державе и ее правителях в латинской литературной традиции – от ее начальных этапов до позднеримского времени (от Энния до Латинских панегириков и «Начал» Исидора Севильского), что позволило отчасти выявить характерные стереотипы восприятия одного народа другим, а также специфику римской культурно-исторической памяти и традиций, которые в немалой степени формировались и

питались знаниями, топосами и образами, полученными от греков, но в то же время использовались и в собственных целях. В частности, римским писателям, историкам и философам были хорошо известны некоторые персонажи и события персидской истории, трактовки которых помещались чаще всего в морализаторский или риторический контекст. *М.В. Вьюшкин* (КФУ) в докладе «Цицерон и римско-парфянские отношения в I веке до н.э.» рассмотрел конкретные меры, предпринятые Цицероном в бытность его наместником Киликии для предотвращения и отражения парфянской агрессии. По мнению автора, в условиях нехватки материальных и людских ресурсов Цицерон, сам не обладавший военными дарованиями, совершенно оправданно сделал ставку на оптимальный подбор легатов для защиты провинции, в результате чего парфянской угрозы в Киликии удалось избежать.

Е.С. Данилов (Ярославский гос. университет) также обратился к теме римско-парфянского противостояния в докладе «Квинт Лабиев – Imperator Parthicus». Он проанализировал отношение к Лабиеву различных римских писателей (которые в целом считают того изменником родины), а также разные оценки кампании Пакора, в которой участвовал и Лабиев, в римской традиции, и высказал в итоге мнение, что сам Квинт Лабиев воспринимал свою роль в парфянском наступлении 40–39-х годов до н.э. не как акт предательства, а как единственную реальную возможность бороться с «тиранией», установившейся в Риме. Именно в таком ракурсе, вероятно, следует интерпретировать его монетную чеканку, где он позиционирует себя в качестве «Parthicus imp.». *С.М. Первалов* (Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований, Владикавказ) в докладе «Из наблюдений за структурой “Парфики” Арриана» говорил об основных проблемах, принципиально важных для понимания того, что именно представляло собой это не дошедшее до нас произведение. Он подчеркнул, что главная трудность при использовании «Парфики» в качестве исторического источника – определение последовательности фрагментов и их распределение по книгам в соответствии с несохранившимся текстом оригинала. В докладе были рассмотрены вопросы о датировке произведения (приведены аргументы в пользу времени после 136 г.), жанре сочинения, принципах отнесения тех или иных фрагментов к «Парфике» и ее конкретным книгам.

В.А. Дмитриев (Псковский гос. педагогический университет) в докладе «Римская разведка в войнах с сасанидским Ираном (по данным Аммиана Марцеллина)» отметил, что, будучи профессиональным военным и участником описываемых событий, Аммиан квалифицированно и подробно характеризует ход боевых действий между римской и персидской армиями. При этом он неоднократно упоминает о разведывательных мероприятиях римлян, осуществлявшихся войсками-разведчиками. Помимо своих непосредственных задач (получение информации о действиях противника), разведчики выполняли также функции связных и проводили рекогносцировку местности с целью прокладывания оптимального маршрута для прохождения войска. Результативность действий римских разведчиков, однако, далеко не всегда была высокой. Аммиан неоднократно говорит о противоречивости и ненадежности их сведений, что зачастую не позволяло римским военачальникам оперативно принимать необходимые решения и в то же время давало персам возможность совершать внезапные и поэтому успешные военные акции. Полученные от разведчиков данные, носившие как тактический, так и стратегический характер, являлись одним из главных факторов, определявших военные планы римского командования в отношении сасанидского Ирана и, следовательно, характер и динамику взаимоотношений двух держав.

Параллельно 16 сентября проходила работа секции «Иранские кочевники и античная цивилизация». *В.П. Никоноров* (Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург) в докладе «О вкладе кочевников Центральной Азии в военное дело античного мира (на примере жестких седел)» на основании анализа обширного круга археологических и иконографических источников отнес появление седел с твердой (деревянной) основой ко времени не позднее IV в. до н.э., связав его с формированием в евразийских степях тяжелой конницы катафрактов. Появившись у ираноязычных кочевников, обитавших к востоку от Каспийского моря, жесткие «роговые» седла сперва попали в Иран и Северо-Западную Индию, а затем – при посредстве парфян – стали известны римлянам. Кроме того, жесткие седла с передней и задней луками, выполнявшими ту же самую функцию, что и «рога», были изобретены, очевидно, кочевниками из восточного ареала Центральной Азии — юэчжами (тохарами) и/или хунну (сюнну) — не позднее III–II вв. до н.э. и впоследствии вместе с первыми достигли Бактрии и Северо-Западной Индии, а со вторыми — Европы. *М.Ю. Трейстер* (Институт переднеазиатской археологии Свободного Университета Берлина, Германия) в докладе «Ахеменидские “импорты” на территориях к северу от границ Ахеменидской державы» выделил несколько регионов, различающихся как по концентрации находок, так и по их категориям: Европейская Скифия, Боспор, Колхида, Южное Приуралье и Алтай. На фоне единичных сосудов из серебра и бронзы заслуживают особого внимания многочисленные находки на Боспоре Киммерийском печатей ахеменидских типов. В погребениях кочевников Евразии предметы ахеменидского круга получают распространение на огромной территории от Приднепровья на западе до Алтая на востоке, тогда

как в курганах Европейской Скифии ахеменидские «импорты» чрезвычайно редки. Более многочисленны находки в Пазырыкских курганах на Алтае. На этом фоне выделяется Южное Приуралье – здесь в погребениях кочевников конца VI–III вв. до н.э. количество памятников ахеменидского круга достигает 80. Анализ находок свидетельствует о разноплановом характере контактов – некоторые находки вещей ахеменидского круга можно объяснить платой за военную службу, другие – военными трофеями. Нельзя исключать и их приобретения в результате межэтнических браков.

В докладе «Варварское население Крыма в III в. до н.э.: скифы или миксэллины?» Ю.П. Зайцев (Крымский филиал Института археологии НАН Украины, Симферополь) познакомил слушателей с недавними раскопками интереснейшего археологического памятника переходного периода от «классической» скифской культуры к позднескифской – крепости Ак-Кая возле современного города Белогорска (рубеж IV–III вв. до н.э. – середина II в. до н.э.). Размер крепости, необычная мощность ее оборонительных стен, расположенные рядом с группами «царских» скифских курганов, разнообразие керамического комплекса позволяют высказать предположение о столичном, «царском» характере крепости Ак-Кая в конце IV – первой половине II в. до н.э., которую затем сменяет в этом качестве Неаполь Скифский. Характер памятника позволяет поставить вопрос о смешанном, греко-варварском (греко-скифском) населении Центрального Крыма в конце IV – первой половине II в. до н.э. В.П. Былкова (Херсонский гос. университет, Украина) в докладе «Динамика греко-скифских отношений в Нижнем Поднепровье (по данным археологии)» подчеркнула специфику этого региона – низовой большой реки, где тем не менее не возник античный город. Именно этим во многом объясняется малая интенсивность греко-скифских контактов в ранний период. Основные памятники относятся ко времени поздней классики – раннего эллинизма. В начале IV в. до н.э. возникают поселения, существовавшие не менее ста лет; одновременно фиксируются сотни скифских погребений. Скифские и греческие памятники прекращают существование в регионе одновременно, в первой четверти III в. до н.э., однако сколько-нибудь активного влияния друг на друга они не оказали. Сходная ситуация прослеживается и в дальнейшем, когда не ранее II в. до н.э. в Нижнем Поднепровье появляются сарматские погребения, а также поселения и могильники позднескифской культуры.

В.И. Мордвинова (Крымский филиал Института археологии НАН Украины, Симферополь) в докладе на тему: «Социальная структура и политические связи населения Нижнего Поволжья по материалам исследования элитных комплексов III в. до н.э. – середины III в. н.э.» отметила, что в период с III по I в. до н.э. в Нижнем Поволжье выделяются два региональных центра: северный и южный. С середины II в. до н.э. некрополи региона демонстрируют уже развитую иерархию погребальных комплексов. Основными направлениями контактов нижеволжской элиты в это время было юго-западное (с варварским населением Прикубанья) и восточное (через Евразийские степи с культурами Алтая и Забайкалья). Элитные комплексы высочайшего ранга показывают связи с эллинистическим Ираном (возможно через посредничество населения Прикубанья и Кавказа). В I в. н.э. ситуация изменилась: вместо двух региональных центров формируется один, в Волго-Донском междуречье. В это время кочевая элита Нижней Волги переориентируется на античные центры Северного Причерноморья. Наконец, с середины II в. контакты населения Нижнего Поволжья с античными центрами Северного Причерноморья продолжают превалировать, однако в этот период больше уже не выделяются какие-либо региональные центры.

На заключительном заседании конференции были единодушно отмечены высокий уровень представленных докладов, информативность презентаций, представленных многими докладчиками, активность и плодотворность дискуссий. Было подчеркнуто, что некоторые аспекты заявленной темы, – например, взаимоотношения Парфии с эллинистическими государствами, – не получили на конференции достаточно полного освещения и поэтому заслуживают дальнейшей разработки.

Участникам была предложена культурная программа – экскурсии по Казанскому кремлю и его музеям, в Национальный музей Республики Татарстан, по историческому району Казани – Старотатарской слободе.

К началу конференции был выпущен сборник тезисов докладов с параллельными текстами на русском и английском языках: «Иран и античный мир: политическое, культурное и экономическое взаимодействие двух цивилизаций. Тезисы докладов Международной научной конференции (14–16 сентября 2011 г.)» (отв. ред. Э.В. Рунг, О.Л. Габелко. Казань: КФУ, 2011. 127 с.). В него были включены также тезисы докладов 48 коллег, не имевших возможности приехать на конференцию. Планируется издание полных текстов докладов отдельным сборником.

Для студентов Института истории КФУ были прочитаны лекции прибывшими на конференцию исследователями из Института всеобщей истории РАН (Москва) – А.И. Иванчиков, С.Г. Карпюком и И.Е. Суриковым.